

СОСТАВИТЕЛЬ
НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВ

Стратегия гламура от души до макияжа

Николай Тимофеев

**Стратегия гламура
от души до макияжа.
Самоучитель для женщин**

«Издательские решения»

Тимофеев Н.

Стратегия гламура от души до макияжа. Самоучитель для женщин
/ Н. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907278-8

Книга содержит практические рекомендации женщинам по установлению, развитию и укреплению любовных отношений. Начинается с актуальных советов римского поэта Овидия: «Наука любви» и продолжается современниками.

ISBN 978-5-44-907278-8

© Тимофеев Н.
© Издательские решения

Содержание

Стихи о женщине и любви	6
Овидий Назон. Наука любви, 1 часть	29
Наука любви, 2 часть	38
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Стратегия гламура от души до макияжа

Самоучитель для женщин

Составитель Николай Тимофеев

ISBN 978-5-4490-7278-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи о женщине и любви

Сvirкин А. Бегущая

Валерий Брюсов

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

Марина Цветаева

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну

С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель, и кавалькады в чаше,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

Поэты эпохи возрождения

Рени Гвидо Римские поэты

Джованни Боккаччо

На мураву присев у родника,
Три ангельских создания обсуждали

Возлюбленных, – от истины едва ли
Была моя догадка далека.

Струясь из-под зеленого венка,
Густые кудри златом отливали,
И цвет на цвет взаимно набегали,
Послушные дыханью ветерка.

Потом я слышал, как одна спросила:
«А что, как наши милые сейчас
Сюда пришли бы? Что бы с нами было?
Мы скрылись бы от их нескромных глаз?»
В ответ подруги: «Никакая сила
Спасаться бегством не заставит нас».

Леонардо Джустиниани

Когда б на ветках языки росли,
И дерево, как люди, говорило,
И перья прорастали из земли,
А в синем море пенились чернила, —
Поведать и они бы не могли,
Как ты прекрасна: слов бы не хватило.
Перед твоим рождением на свет
Святые собрались держать совет.

Лоренцо Медичи

Помни, кто во цвете лет, —
Юн не будешь бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Это Вакх и Ариадна.
Все спеша от жизни взять,
Ненаглядный с ненаглядной
Обращают время вспять.
Да и свита, им под стать,
Веселится бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Этих юных козлоногих
К нимфам тянет, и они,
По лесам охотясь, многих
Заманили в западни.
Как им весело, взгляни —
Пляшут, скачут бесконечно.
Нравится – живи беспечно:

В день грядущий веры нет.

Этим стройным нимфам любо
Попадаться в сети к ним:
Только тот, чье сердце грубо,
От любовных стрел храним.
Нимфы к милым льнут своим,
Песня льется бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Тушей на осла навьючен,
Следом движется Силен,
Столь же стар и столь же тучен,
Сколь от выпивки блажен.
Глупо жаждать перемен,
Если счастлив бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Наконец Мидас влечется, —
Превращает в золото он
Все, к чему ни прикоснется.
Но на скуку обречен,
Кто вменил себе в закон
Наживаться бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Ждать до завтра – заблужденье,
Не лишай себя отрад:
Днесь изведать наслажденье
Торопись и стар и млад.
Пусть, лаская слух и взгляд,
Праздник длится бесконечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Славьте Вакха и Амура!
Прочь заботы, скорбь долой!
Пусть никто не смотрит хмуро,
Всяк пляши, играй и пой!
Будь что будет, – пред судьбой
Мы беспомощны извечно.
Нравится – живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Пусть почести влекут неугомонных,
Палаты, храмы, толпы у ворот,

Сокровища, что тысячи забот
И тысячи ночей несут бессонных.

Волшебные цветы лугов зеленых,
В прохладной мураве журчанье вод
И птичка, что любовь свою зовет,
Влияют благотворней на влюбленных.

Лесные дебри и громады гор,
Пещеры, недоступные для света,
Пугливая дриада, быстрый зверь...

Лишь там передо мной прекрасный взор,
Которым – пусть в мечтах – не то, так это
Мне наглядеться не дает теперь.

Ненча из Барберино

Я посвящаю песню милой даме,
Прекраснее которой не найдешь.
Пылающему сердцу временами
На месте оставаться невтерпеж.
Она стрельнет горящими глазами —
И кончено: свободы не вернешь.
Я в город ездил, езжу по округе,
Но равных не встречал моей подруге.

Я в Эмполи и в Прато был не раз,
И в Борго, и в Мангоне, и в Гальяно,
В Сан-Пьеро торговал и здесь у нас,
На самой верхотуре – в Декомано.
Один базар меня одним потряс,
Другой другим, но должен без обмана
Сказать: нигде торговли лучше нет,
Чем в Барберино, где живет мой свет.

Я благородней Ненчи ненаглядной
Девиц не видел, не встречал скромней;
Ни у кого такой головки ладной
И светлой нет, как у любви моей.
По-праздничному на душе отрадно,
Когда глазами я встречаюсь с ней.
А дивный носик моего кумира —
Ни дать ни взять работа ювелира.

Кораллам губки алые под стать,
За ними два ряда зубов белеют —
И в том и в этом штук по двадцать пять,
И снег ланиты посрамить сумеют —

Не надо и к белилам прибегать,
И круглый год на щечках розы рдеют,
Всегда, что называется, в цвету.
Как не влюбиться в эту красоту?

Ее глазам мужчины знают цену.
Еще бы! Ненча, бросив взгляд-другой,
Прошьет не то что сердце, но и стену,
Тогда как сердце – камень у самой.
Поклонники за нею, рады плену,
Таскаются хвостом, и, сам не свой,
От зависти я помираю черной,
Что нет меня среди толпы покорной.

Я целый день махать мотыгой мог,
А нынче – дудки: как ни лезь из кожи,
Дай бог, чтоб сил хватило на часок.
Я высох, как подстилка из рогожи:
За стол сажусь – не лезет в рот кусок.
Любовь меня измучила, и все же,
Сказать по чести, я и впредь готов
Мириться с крепостью ее узлов.

Я сравниваю Ненчу с городскими —
Она не хуже тысяч городских
С хорошими манерами своими,
С уменьем изъясняться вроде них.
Глаза что уголь, волосы над ними —
Под цвет снопа и книзу из прямых
Становятся волнистыми-волнистыми,
Оканчиваясь кольцами пушистыми.

Когда она, как козочка легка,
Танцует, сразу видно – мастерица:
То вдруг рукой коснется башмачка,
То мельницею вновь пойдет кружиться;
Потом поклон и новых два прыжка,
Чтоб снова грациозно поклониться,
Да так, что флорентийкам испокон
Не снился грациознее поклон.

Ей не годится ни одна в подметки:
Она румяна в меру и бела,
И ямка ей к лицу на подбородке,
Да и умом любовь моя взяла,
Совсем необязательным красотке.
Такой природа Ненчу создала,
Видать, затем, чтоб людям стало ясно,
Что и природа может быть пристрастна.

Кого в супруги Ненча изберет,
Захочет свадьбы сразу, без отсрочки;
Кто к этому цветку найдет подход,
Родился не иначе как в сорочке;
Счастливец из счастливцев будет тот,
Кто сможет убедиться среди ночи,
Что на его руке – ее щека,
Как сало и упруга и мягка.

Когда б ты знала, Ненча дорогая,
Как мается несчастный однолюб,
От нестерпимой муки изнывая,
Как будто рвут ему за зубом зуб, —
Когда б ты знала, ты б, не размышляя,
Вдохнула снова жизнь в ходячий труп,
Счастливым сделав твоего Валлеру,
Что скоро в счастье потеряет веру.

Но я боюсь, уж ты не обессудь,
Что ты своей жестокостью довольна.
Я с удовольствием рассек бы грудь,
Когда б не знал, что это очень больно,
И сердце протянул тебе – взглянуть,
Что сделала ты с ним, пускай невольно:
Вонзи в него, я разрешаю, нож —
И ты, услышав «Ненча», все поймешь.

Когда я перехватываю взгляды,
Которые к тебе устремлены,
Я скрыть не в состоянии досады,
И что со мной – видать со стороны.
Любовь-злодейка не дает пощады,
И день и ночь к тебе обращены
Мои мольбы, признанья, вздохи, стоны,
Но уши Ненчи им внимать не склонны.

Сегодня я до самого утра
Не спал: тянулось время еле-еле,
И все скотину гнать не шла пора,
А раньше ты не выйдешь. Я с постели
Вскочил – и час, а может, полтора
За дверью протоптался. Неужели
Не смилуется надо мной луна?
Но вот погасла наконец она.

Ты из овчарни вышла со скотиной
И верным псом. Я был настолько рад,
Что мигом позабыл о ночи длинной

И слезы счастья застелили взгляд.
Вооружившись тут же хворостиной,
Я впереди себя погнал телят.
Я не спешил, я ждал тебя, понятно,
Но оглянулся – ты идешь обратно.

Я на траве разлежся у пруда
И понял, что напрасно жду, не скоро —
Наверно, через полчаса, когда
Твои ягнята мимо без надзора
Прошли. Ну где же ты? Иди сюда.
Неужто испугалась разговора?
Одно составим стадо мы из двух:
Как хорошо – пастушка и пастух!

Я во Флоренции под воскресенье,
Даст бог, неплохо плетево продам.
Проси любой подарок без стеснения,
Поскольку я напрашиваюсь сам.
Что выбрать? Разреши мои сомненья,
А то когда еще я буду там.
Булавки? Пудру? Может быть, белила?
Все будет, что бы ты ни попросила.

А может, лучше нитку красных бус,
Как у красавиц городских на шее?
Скажи, чтобы на твой мне выбрать вкус, —
Брать покороче или подлиннее?
И если даже я не сбуду груз,
Я без подарка не вернусь. Скорее
Я выточу из собственных костей
Костяшки бус для радости моей.

Но где ты? Почему не отвечаешь?
Не спрашивал бы, если знать бы мог,
Какой подарок ты предпочитаешь.
Застежки? Ленту? Или поясок?
А может, ты о кошельке мечтаешь?
Недолго присмотреть и кошелек.
А может быть, купить моей голубке
Воздушных кружев для отделки юбки?

Уже мои телята у ворот,
И головы пересчитать бы надо —
Сойдется или не сойдется счет.
А вдруг отбился кто-нибудь от стада?
Боюсь, мне это даром не пройдет.
Меня зовут. Прощай, моя отрада,
Я по дороге песню допою:

Давно пора бежать, а я стою.

Джованни Делла Каза

Тревога, страха нашего мерило,
Который столь непросто отместить,
Ты лед несешь для охлаждения пыла,
Стремясь разлад в союз любви внести;

Ты горечью своею мне претила,
Оставь меня, забудь ко мне пути,
Вернись в Аид, где без того уныло,
И хоть навечно корни там пусти.

Не отдыхая днем, не спя ночами,
Там утоляй неутолимый глад
Немнимыми и мнимыми страстями.

Ступай. Зачем, разлив по венам яд,
Страшней, чем прежде, с новыми тенями
Ты, ревность, возвращаешься назад?

Красавец в клетке, пилигрим зеленый,
В заморский этот завезенный край,
Прислушивайся к звукам, постигай
Из уст мадонны наш язык мудреный.

Но берегись, уроком поглощенный,
Ее очей горящих, попугай,
Не то, как я, погибнешь невзначай,
Затем что жара ни ручей студеной,

Ни ливень не погасят, ни зима,
Тогда как ей, холодной, все едино —
Сгоришь ли ты иль не сгоришь дотла.

Так набирайся поскорей ума,
Чтоб ей сказать: «Безжалостных, Квирина,
Не жаловала никогда хвала».

Галлицо ди Тарсия

Спокойные до первой непогоды,
Вы превзошли себя на этот раз,
Напоминая боль мою сейчас,
Ревущие, не умолкая, воды.

Смолистые челны и хороводы
Веселых нимф сокрылись от вас,

Как от моих сокрыта ныне глаз
Виновница нечаянной невзгоды.

Увы, мой день унылый все длинней,
И значит – время счастья недалеко,
Но мне удел от всех отличный дан:

Ни трепетных ночей, ни светлых дней,
Будь солнце низко, будь оно высоко,
Не принесет жестокий мой тиран.

Побеждены недугом, на пороге
Отчаянья, бросают люди дом,
Спасения ища в краю чужом,
Когда пред ними нет иной дороги, —

Покинув так богатство и чертоги,
Где бог любви с особым мастерством
Пускает стрелы, я решил в глухом
Убежище забыть мои тревоги.

Но всюду – и в безлюдной стороне,
И стиснутый толпою, – постоянно,
Где б ни был я, Амур, как тень, при мне:

Скачу в седле – и моего тирана
Везу, плыву – и он со мной в челне,
Я плачу, он смеется, как ни странно.

Сияли счастьем, царственный колосс,
Ты стольким радости любви принес,
Но эта перевернута страница.

Сегодня ты – жестокая темница,
Обитель страха, пыток и угроз,
Вместилище теней и вечных слез,
Где равносильно смерти очутиться.

Другие времена – и ты другой,
Нам одинаково не повезло, —
Недаром были мы с тобой похожи.

Надежды все утратив до одной,
Я, хоть и поздно, убедился тоже,
Что наслажденья – хрупкое стекло.

Торквато Тассо

В Любви, в Надежде мнился мне залог

Все более счастливого удела;
Весна прошла, надежда оскудела —
И невозможен новых сил приток.

Карл Брюллов Нарцисс

И тайный пламень сердца не помог,
Все кончено, и не поправить дела:
В отчаянье, не знающем предела,
Мечтаю смерти преступить порог.

О Смерть, что приобщаешь нас покою,
Я дерево с опавшею листвою,
Которое не оросить слезою.

Приди же на призыв плачевный мой,
Приди – и сострадательной рукою
Глаза мои усталые закрой.

Порой мадонна жемчуг и рубины
Дарует мне в улыбке неземной
И, слух склоняя, внемлет ропот мой, —
И ей к лицу подобье скорбной мины.

Но, зная горя моего причины,
Она не знает жалости живой
К стихам печальным, сколько я ни пой,

К певцу, что счастья рисовал картины.

Безжалостен огонь прекрасных глаз, —
Жестокость состраданьем притворилась,
Чтоб страсть в душе наивной не прошла.

Не обольщайтесь, сердца зеркала:
Нам истина давным-давно открылась.
Но разве это отрезвило нас?

Ее руки, едва от страха жив,
Коснулся я и тут же стал смущенно
Просить не прогонять меня с балкона
За мой обидный для нее порыв.

Мадонна нежно молвила на это:
«Меня вы оскорбили бесконечно,
Отдернуть руку поспешив тотчас.
По мне, вы поступили бессердечно».

О, сладостность нежданного ответа!
Когда обидчик верно понял вас,
Поверьте – в первый и последний раз

Он вам нанес обиду.
Однако кто не обижает, тот
Отмщенья на себя не навлечет.

На тебя ли я смотрю,
На мое смотрю светило:
Всех красавиц ты затмила,
Лишь тебя боготворю.

Засмеешься – звонкий смех,
Словно в небе луч весенний.
Для меня ты совершенней,
Для меня ты краше всех.

Молвишь слово – счастлив я,
Словно птиц апрельских трели
В зимних кронах зазвенели,
Амариллис, боль моя.

Во времена весны твоей могла
Ты с розою пунцовой сравниться,
Что грудь подставить ветерку стыдится
И робкой ласке первого тепла.

Но роза бренна – значит, ты была

Прекрасна, как небесная денница,
В лучах которой поле серебрится,
Алеют горы и редет мгла.

Года тебе не нанесли урона,
И над тобой, одетою скромнее,
Не торжествует юная краса.

Цветок милей недавнего бутона,
И солнце в полдень жарче и светлее,
Чем поутру всходя на небеса.

Понтюс де Тиар

Песня к моей лютне

Пой, лютня, не о жалобе напрасной,
Которую душа моя полна, —
Пой о моей владычице прекрасной.

Она не внемлет – но звучи, струна,
Как будто Сен-Желе тебя тревожит,
Как будто ты Альберу отдана.

Забудь про боль, что неустанно гложет
Меня, и пусть прекрасный голос твой
С моею нежной песнью звуки сложит.

Ее златые волосы воспой —
Признайся, эти волосы намного
Прекрасней диадемы золотой.

Воспой чело, откуда смотрит строго
С укором Добродетель в душу мне,
А там, в душе, – любовная тревога.

Пой мне об этой нежной белизне,
Подобной цветку розы, что раскрылась
В прекрасный день, в прекраснейшей стране.

Пой о бровях, где счастье преломилось,
Где чередуются добро и зло,
Мне принося немилость или милость.

Воспой ее прекрасных глаз тепло:
От этого божественного взора
На небе солнце пламень свой зажгло.

Воспой улыбку, полную задора,

И щеки цвета ярко-алых роз,
Которым позавидует Аврора.

Еще воспой ее точеный нос,
И губы, меж которых ряд жемчужин,
Каких никто с Востока не привез.

И слух, который песнью не разбужен
Моей – для грешных звуков он закрыт,
С ним серафимов хор небесный дружен.

Сто милостей, которые хранит
Она в себе, воспой: я пламенею,
Сто факелов любви во мне горит.

Воспой и эту мраморную шею:
От этого кумира не спасти
Меня, склоняющегося пред нею.

Пой о красотах Млечного Пути,
О полюсах – о правом и о левом, —
Способных мне блаженство принести.

И пой мне о руках, что королевам
Под стать, когда их легкие персты
Тебя встревожат сладостным напевом.

Но о сокрытой доле красоты
Не пой мне, лютня, я прошу, не надо:
Не пой о том, к чему летят мечты.

Но пой мне, как бессмертная отрада
Стремится ввысь, раскрыв свои крыла, —
И не страшна ей ни одна преграда;

Как сердце у меня она взяла,
И как порой она меня терзала —
Лицом грустна, душою весела.

Но если песнь такую, как пристало,
Не сможешь ты найти в своей струне,
Тебя жалеть я буду столь же мало,

Сколь мало у нее любви ко мне.

Пьер Ронсар

Стансы

Если мы во храм пойдем,
Преклонясь пред алтарем,
Мы свершим обряд смиренный,
Ибо так велел закон
Пилигримам всех времен
Восхвалять творца вселенной.

Хендрик Гольциус Аллегория

Если мы в постель пойдем,
Ночь мы в играх проведем,
В ласках неги сокровенной,
Ибо так велит закон
Всем, кто молод и влюблен,
Проводить досуг блаженный.

Но как только захочу
К твоему припасть плечу,
Иль с груди совлечь покровы,
Иль прильнуть к твоим губам, —
Как монашка, всем мольбам
Ты даешь отпор суровый.

Для чего ж ты сберегла
Нежность юного чела,
Жар нетронутого тела, —
Чтоб женой Плутона стать,
Чтоб Харону их отдать
У стигийского предела?

Час пробьет, спасенья нет,
Губ твоих поблекнет цвет,
Ляжешь в землю ты сырую,
И тогда я, мертвый сам,
Не признаюсь мертвецам,
Что любил тебя живую.

Все, чем ныне ты горда,
Все истлеет без следа —
Щеки, лоб, глаза и губы.
Только желтый череп твой
Глянет страшной наготой
И в гробу оскалит зубы.

Так живи, пока жива,
Дай любви ее права, —
Но глаза твои так строги!
Ты с досады б умерла,
Если б только поняла,
Что теряют недотроги.

О, постой, о, подожди!
Я умру, не уходи!
Ты, как лань, бежишь тревожно!..
О, позволь руке скользнуть
На твою нагую грудь
Иль пониже, если можно!

«Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!..»

Ко мне, друзья мои, сегодня я пирую!
Налей нам, Коридон, кипящую струю.
Я буду чествовать красавицу мою,
Кассандру иль Мари, – не все ль равно, какую?

Но девять раз, друзья, поднимем круговую, —
По буквам имени я девять кубков пью.
А ты, Белло, прославь причудницу твою,
За юную Мадлен прольем струю живую.

Неси на стол цветы, что ты нарвал в саду,
Фиалки, лилии, пионы, резеду, —
Пусть каждый для себя венок душистый свяжет.
Друзья, обманем смерть и выпьем за любовь!
Быть может, завтра нам уж не собратсья вновь.
Сегодня мы живем, а завтра – кто предскажет?

«Ах, чертов этот врач! Опять сюда идет!..»

Ах, чертов этот врач! Опять сюда идет!
Он хочет сотый раз увидеть без рубашки
Мою любимую, пощупать все: и ляжки,
И ту, и эту грудь, и спину, и живот.

Так лечит он ее? Совсем наоборот:
Он плут, он голову морочит ей, бедняжке,

У всей их братии такие же замашки.
Влюбился, может быть, так лучше пусть не врет.
Ее родители, прошу вас, дорогие, —
Совсем расстроил вас недуг моей Марии! —
Гоните медика, влюбленную свинью.
Неужто не ясна вам вся его затея?
Да ниспошлет господь, чтоб наказать злодея,
Ей исцеление, ему – болезнь мою.

Веретено

Паллады верный друг, наперсник бессловесный,
Ступай, веретено, спеши к моей прелестной!
Когда соскучится, разлучена со мной,
Пусть сядет с прялкою на лесенке входной,
Запустит колесо, затаяет песнь, другую,
Прядет – и гонит грусть, готовя нить тугую.
Прошу, веретено, ей другом верным будь,
Я не беру Мари с собою в дальний путь.
Ты в руки попадешь не девственнице праздной,
Что предана одной заботе неотвязной:
Пред зеркалом менять прическу без конца,
Румянясь и белясь для первого глупца, —
Нет, скромной девушке, что лишнего не скажет,
Весь день прядет иль шьет, клубок мотает, вяжет
С двумя сестренками, вставая на заре,
Зимой у очага, а летом во дворе.

Мое веретено, ты родом из Вандома,
Там люди хвастают, что лень им незнакома,
Но верь, тебя в Анжу полюбят, как нигде.
Не будешь тосковать, качаясь на гвозде.
Нет, алое сукно из этой шерсти нежной
Она в недолгий срок соткет рукой прилежной;
Так мягко, так легко расстелется оно,
Что в праздник сам король наденет то сукно.
Идем же, встречено ты будешь, как родное,
Веретено, с концов тщедушное, худое,
Но станом круглое, с приятной полнотою,
Кругом обвитое тесемкой золотой.
Друг шерсти, ткани друг, отрада в час разлуки,
Певун и домосед, гонитель зимней скуки,

Спешим! В Бургейле ждут с зари и до зари.
О, как зардеется от радости Мари!
Ведь даже малый дар, залог любви нетленной,
Ценней, чем все венцы и скипетры вселенной.

«Едва Камена мне источник свой открыла...»

Едва Камена мне источник свой открыла
И рвением сладостным на подвиг окрылила,
Веселье гордое мою согрело кровь
И благородную зажгло во мне любовь.
Плененный в двадцать лет красавицей беспечной,
Задумал я в стихах излить свой жар сердечный,
Но, с чувствами язык французский согласив,
Увидел, как он груб, неясен, некрасив.
Тогда для Франции, для языка родного,
Трудиться начал я отважно и сурово.
Я множил, воскрешал, изобретал слова —
И сотворенное прославила молва.
Я, древних изучив, открыл свою дорогу,
Порядок фразам дал, разнообразье – слогу,
Я строй поэзии нашел – и, волей муз,
Как Римлянин и Грек, великим стал Француз.

«Природа каждому оружие дала!..»

Природа каждому оружие дала:
Орлу – горбатый клюв и мощные крыла,
Быку – его рога, коню – его копыта,
У зайца – быстрый бег, гадюка ядовита,
Отравлен зуб ее. У рыбы – плавники,
И, наконец, у льва есть когти и клыки.
В мужчину мудрый ум она вселить умела,
Для женщин мудрости Природа не имела
И, исчерпав на нас могущество свое,
Дала им красоту – не меч и не копье.
Пред женской красотой мы все бессильны стали,
Она сильней богов, людей, огня и стали.

«Когда от шума бытия...»

Когда от шума бытия
В Вандомуа скрываюсь я, —
Бродя в смятении жестоком,
Тоской, раскаяньем томим,
Утесам жалуясь глухим,
Лесам, пещерам и потокам.

Утес, ты в вечности возник,
Но твой недвижный, мертвый лик
Щадит тысячелетий ярость.
А молодость моя не ждет,
И каждый день и каждый год
Меня преображает старость.

О лес, ты с каждой зимой
Теряешь волос пышный свой,
Но год пройдет, весна вернется,
Вернется блеск твоей листвы.
А на моем челе, увы!
Задорный локон не завьется.
Пещеры, я любил ваш кров,
Тогда я духом был здоров,
Кипела бодрость в юном теле.
Теперь, окостенев, я стал
Недвижной камня ваших скал,
И силы в мышцах оскудели.

Поток, бежишь вперед, вперед,
Волна придет, волна уйдет,
Спешит без отдыха куда-то.
И я без отдыха весь век
И день и ночь стремлю свой бег
В страну, откуда нет возврата.

Судьбой мне краткий дан предел,
Но я б ни лесом не хотел,
Ни камнем вечным стать в пустыне:
Остановив крылатый час,
Я б не любил, не помнил вас,
Из-за кого я старюсь ныне.

«Прекрасной Флоре в дар – цветы...»

Прекрасной Флоре в дар – цветы,
Помоне – сладкие плоды,
Леса – дриадам и сатирам,
Цибеле – стройная сосна,
Наядам – зыбкая волна,
И шорох трепетный – Зефирам,
Церере – тучный колос нив,
Минерве – легкий лист олив,
Трава в апреле – юной Хлоре,
Лавр благородный – Фебу в дар,
Лишь Цитерее – томный жар
И сердца сладостное горе.

«В дни, пока золотой наш век...»

В дни, пока золотой наш век
Царь бессмертных не пресек,
Под надежным Зодиаком
Люди верили собакам.
Псу достойному герой

Жизнь и ту вверял порой.
Ну, а ты, дворняга злая,
Ты, скребясь о дверь и лая,
Что наделал мне и ей,
Нежной пленнице моей,
В час, когда мы, бедра в бедра,
Грудь на грудь, возились бодро,
Меж простынь устроив рай, —
Ну зачем ты поднял лай?
Отвечай, по крайней мере,
Что ты делал возле двери,
Что за черт тебя принес,
Распроклятый, подлый пес?
Прибежали все на свете:
Братья, сестры, тети, дети, —
Кто сказал им, как не ты,
Чем мы были заняты,
Что творили на кушетке!
Раскудахтались соседки.
А ведь есть у милой мать,
Стала милую хлестать, —
Мол, таких вещей не делай!
Я видал бедняжку белой,
Но от розги вся красна
Стала белая спина.
Кто, скажи, наделал это?
Недостоин ты сонета!
Я уж думал: воспую
Шерстку пышную твою.
Я хвалился: что за песик!
Эти лапки, этот носик,
Эти ушки, этот хвост!
Я б вознес тебя до звезд,
Чтоб сиял ты с небосклона
Псом, достойным Ориона.
Но теперь скажу я так:
Ты не друг, ты просто враг.
Ты паршивый пес фальшивый,
Гадкий, грязный и плешивый.
Учинить такой подвох!
Ты плодильня вшей и блох.
От тебя одна морока,
Ты блудилище порока,
Заскорузлой шерсти клочок.
Пусть тебя свирепый дог
Съест на той навозной куче.
Ты не стоишь места лучше,
Если ты, презренный пес,
На хозяина донес.

«Когда хочу хоть раз любовь изведать снова...»

Когда хочу хоть раз любовь изведать снова,
Красотка мне кричит: «Да ведь тебе сто лет!
Опомнись, друг, ты стал уродлив, слаб и сед,
А корчишь из себя красавца молодого.
Ты можешь только ржать, на что тебе любовь?»

Взглянул бы в зеркало: ну, право, что за вид!
К чему скрывать года, тебя твой возраст выдал:
Зубов и следу нет, а глаз полузакрыт,
И черен ты лицом, как закопченный идол».

Я отвечаю так: не все ли мне равно,
Слезится ли мой глаз, гожусь ли я на племя,
И черен волос мой иль поседел давно, —
А в зеркало глядеть мне вовсе уж не время.

Но так как скоро мне в земле придется гнить
И в Таргар горестный отправиться, пожалуй,
Пока я жить хочу, а значит – и любить,
Тем более что срок остался очень малый.

Жан Антуан де Баиф

Когда в давно минувшие века
Сплошным клубком лежало мирозданье,
Любовь, не ты ли первой, по преданью,
Взлетела и отторглась от клубка?

Ты принялась, искусна и ловка,
За труд размеренного созиданья,
И всем предметам ясность очертанья
Дала твоя спокойная рука.

Но если правда, что одна лишь ты
Сумела размотать клубок вражды,
И если дружбу ты изобрела,

То где же доброта твоя была,
Когда в моей душе плелся клубок
Друг друга раздирающих тревог?

«О, сладкая, манящая картина!..»

О, сладкая, манящая картина!
На поле боя сладостных ночей
Моя душа сливается с твоей,

И тело с телом слиты воедино.

Как жизнь сладка и как сладка кончина!
Моей душе нейдет поскорей
В тебя вселиться разом, без затей —
То вверх, то вниз несет меня пучина.

О, сила в нас обоих не ослабла!
Я весь в тебе, я взят тобой всецело.
Ты пьешь меня, когда окончен путь,

И возвращаешь мне остаток дряблый.
Но губ твоих и ласки их умелой
Достаточно, чтоб силы мне вернуть.

Марк Папильон де Лафриз

«Мой друг Шапле, тебе ль успех не привалил?...»

Мой друг Шапле, тебе ль успех не привалил?
Не ты ли переспал с возлюбленной моею?
Ты послан, чтобы мне Амур не сел на шею,
Чтоб вере в господу я посвятил свой пыл.

Но, как ни поверни, Амур мне все же мил:
Когда, потупив взгляд, я в церкви цепенею,
Я вспоминаю вновь любовные затеи,
И сердце усмирить мне не хватает сил.

Уставясь вверх, шепчу: «Когда бы мне за веру
Всевышний даровал сладчайшую Венеру,
Я б не стеснялся с ней, чтоб не прослыть глупцом!»

Судачит весь приход, как страстно крест целую,
Как рьяно я молюсь с восторженным лицом.
Но им и невдомек, каких святых зову я.

«Неужто никогда, пройдя круги невзгод...»

Неужто никогда, пройдя круги невзгод,
Не поплыву к любви рекой неторопливой,
Легонько теребя волос твоих извивы,
Покусывая твой гвоздично-алый рот.

Давая ощутить мужского тела гнет,
Сжимая ртом сосцы – как две тугие сливы,
Касаясь языком ресниц твоих ревнивых
И чувствуя рукой, как кровь в тебе течет.

Неужто никогда не слышать, опьянев,
Как нега изнутри мурлычет свой напев,
И не сжимать тебя в объятьях, дорогая,

Ловя на ощупь дрожь округлого плеча,
И вдосталь не испить из сладкого ключа,
Шалея, горячась, паря, изнемогая?

«В чем дело? Ты меня считаешь дураком?...»

В чем дело? Ты меня считаешь дураком?
Стремительную страсть, шальную без оглядки,
Пытаешься унять то поцелуем кратким,
То словом ласковым, то вежливым кивком.

Мы на людях. Ну как обнять тебя тайком?
Они глядят на нас – так поиграем в прятки.
Беседовать начнем, изучим их повадки
И усыпим их слух пристойным пустяком.

Когда беседа их пойдет сама собой,
Используем хоть миг, дарованный судьбой,
И напрямик пойдем стезею наслаждений!

Взирая на гостей с бесстрашьем старика,
Я глазом не моргну, когда моя рука
В восторге ощутит тепло твоих коленей.

Овидий Назон. Наука любви, 1 часть

(избранные строки, предпочтительно для мужчин)

Великий римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. – 17 г. до н. э.) выступает как наставник любовной науки, подробно разъясняющий правила флирта, которые по своей внутренней сути мало изменились за последние тысячелетия. За скандальное произведение, противоречащее официальным воззрениям на любовь и брак, поэт был отправлен в ссылку императором Августом. Проходил ссылку – в устье Дуная, среди варваров – скифов. Имя Овидия неоднократно упоминает А.С.Пушкин.

Крашенный бюст Овидия Назона, копия

О безопасной любви я пишу, о дозволенном блюде,
Нет за мною вины и преступления нет.

Первое дело твое, новобранец Венериной рати,
Встретить желанный предмет, выбрать, кого полюбить.
Дело второе – добиться любви у той, кого выбрал;
Третье – надолго суметь эту любовь уберечь.
Вот уроки мои, вот нашего поприща меты —
К ним колесницу помчу, быстро пустив колесо.

Стало быть, прежде всего, пока все дороги открыты,
Выбери – с кем из девиц заговорить о любви.
С неба она к тебе не слетит дуновением ветра —
Чтобы красивую взять, нужно искать и искать.

Столько в столице девиц, и такие в столице девицы,
Что уж не целый ли мир в Риме сошелся одним?
Если молоденьких ты и едва подрастающих любишь —
Вот у тебя на глазах девочка в первом цвету;
Если покрепче нужна – и покрепче есть сотни и сотни,
Все напоказ хороши, только умей выбирать;
Если же ближе тебе красота умелых и зрелых,
То и таких ты найдешь полную меру на вкус.

Званный обед – тоже славная вещь для любовных подходов,
И не единым вином он привлекает мужчин.
Часто и здесь, за рога ухватив, охмеленного Вакха
Нежной своею рукой клонит багряный Амур.
Брызги вина увлажняют пернатые крылья Амура —
И остается летун, отяжелев, на пиру;
Влажными крыльями бьет, росу отрясая хмельную,
Но и от этой росы страждут людские сердца.
В винном пылу дозревает душа до любовного пыла,
Тяжкое бремя забот тает в обильном вине,
Смех рождается в устах, убогий становится гордым,
Скорбь отлетает с души, сходят морщины со лба,
Хитрость бежит перед божьим лицом, раскрываются мысли,
Чистосердечье звучит, редкое в нынешний век.
Тут-то наши сердца и бывают добычей красавиц,
Ибо Венера в вине пламенем в пламени жжет.
Помни, однако, что здесь, в обманчивом свете лампы,
Ночью, с хмельной головой трудно ценить красоту.
Ведь не случайно Парис лишь днем и под солнечным небом
Молвил, богинь рассмотрев: «Лучшая – Мать Любви!»
Ночь благосклонна, она прикрывает любые изъяны,
Ночью любую из дев можно красавицей счесть.
О драгоценных камнях, о крашенной пурпуром ткани
И о девичьей красе только при солнце суди.

Время теперь приступить к тому, что гораздо важнее, —
Как уловить для себя ту, что искал и нашел?
Все и повсюду мужи, обратите умы со вниманьем

И доброхотной толпой слушайте слово мое!
Будь уверен в одном: нет женщин, тебе недоступных!
Ты только сеть распахни – каждая будет твоей!
Смолкнут скорее весной соловьи, а летом цикады,
А меналийские псы зайцев пугаться начнут,
Нежели женщина станет противиться ласке мужчины, —
Как ни твердит «не хочу», скоро захочет, как все.
Тайная радость Венеры мила и юнцу, и девице,
Только скромнее – она, и откровеннее – он.
Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин не трогать, —
Женщины сами, клянусь, трогать бы начали нас.
Телка быка на лугу сама выкликает мычаньем,
Ржаньем кобыла своим кличет к себе жеребца.
В нас, мужчинах, куда осторожней и сдержанней страсти:
Похоть, кипящая в нас, помнит узду и закон.

Все, что делает женщина, – делает, движима страстью.
Женщина жарче мужчин, больше безумия в ней.
Будь же смелей – и надежды свои возлагай на любую!
Верь, что из тысячи жен не устоит ни одна.
Та устоит, та не устоит, но всякой приятно;
Если и выйдет просчет – это ничем не грозит.
Только откуда же быть просчету, когда повселюдно
Новая радость милей, слаще чужое добро?
Каждый знает: на поле чужом урожай полновесней,
И у соседских коров дойное вымя полней.

Правда, иную игру начать не решается дева, —
Рада, однако, принять, если начнет не она.
Право же, тот, кто от женщины ждет начального шага,
Слишком высоко, видать, мнит о своей красоте.
Первый приступ – мужчине и первые просьбы – мужчине,
Чтобы на просьбы и лесть женщина сдаться могла.

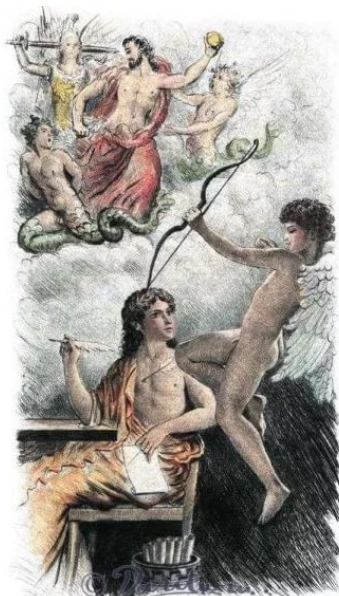
Дружба и верность у нас нынче пустые слова.
Ах, как опасно бывает хвалить любимую другу:
Он и поверит тебе, он и подменит тебя.

Сколько лиц на земле, столько бьется сердец непохожих:
Тот, кто умен и хитер, должен приладиться к ним.

Бьется добыча в сети, кончен охотничий труд.
Ныне влюбленный, ликуя, стихи мои метит наградой
Но не спеши так, юнец; ты выплыл в открытое море,
Волны плещут кругом, берег желанный далек.
Если по слову стиха моего и достиг ты любимой —
Я научил овладеть, я научу сохранить.

Но ошибается тот, кто спешит к гемонийским заклетьям

И с жеребьячьего лба тонкий снимает нарост, —
Чтоб уцелела любовь, не помогут Медеины травы,
Ни заговорный напев ведомых марсам [63] словес.
Если бы только любовь могли уберечь заклинанья, —
Был бы с Цирцеей – Улисс и с Фасианкой – Ясон.
Да и девицам не впрок наводящие бледность напитки:
В души несут они вред и помрачают умы.

Поль Беке рисунок

Чтобы любовь госпожи сохранить и ее не лишиться,
Ты приложи к красоте малую долю ума.
Ведь красота – ненадежная вещь, убывает с годами:
Чем протяженней она, тем ее сила слабей.
Не забывай и о том, что для всякой души благотворно
Знание двух языков и благородных наук.
Не был красивым Улисс, а был он красноречивым —
И воспылали к нему страстью богини морей.
Лучше всего привлекает сердца обходительность в людях, —
Грубость, наоборот, сеет вражду и войну.
А меж любовников речь ласкова будь и мила.
Вам не закон приказал сойтись к единому ложу —
Силу закона иметь будет над вами Любовь.

Тех, кто богат, я любви не учу – на что им наука?
Ежели есть, что дарить, – им мой урок ни к чему.
Тот без науки умен, кто может на всякую просьбу
«Вот тебе, молвить, и вот!» – с ним мне тягаться невмочь.

Воинской службе подобна любовь. Отойдите, ленивцы!
Тем, кто робок и вял, эти знамена невмочь.
Бурная ночь, дорожная даль, жестокая мука,
Тяготы все, все труды собраны в стане любви.

Хочешь остаться любим – всякую спесь позабуди.
Если не будет тебе дороги открытой и ровной,
Если перед тобой дверь заперта на засов —
Не утрашись ничего и спускайся во двор прямо с крыши
Или в высоком окне выйди надобный лаз.
Женщина рада бывать причиной смертного риска:
Это им верный залог самой горячей любви.

Не предлагаю тебе дарить драгоценных подарков.
Но, небольшие дая, кстати и к месту дари.
В пору, когда урожай гнет ветви и хлебные стебли,
Ты поднеси госпоже сельских корзину плодов,
Все же, хоть мало, а есть на земле и ученые девы,
Да и невежды порой рады учеными слыть.
Тех и других в стихах прославляй! За сладкое слово,
Плохо ли, хорошо ль, всякая песня сойдет.

Далее: если ты сам замыслил какое-то дело,
Пусть и подруга твоя кстати попросит о нем.
Если кому из твоих рабов обещал ты свободу —
Пусть припадает, моля, чтоб заступилась она.
Снять ли оковы с раба, отменить ли его наказание —
Все, что делаешь ты, делаешь ты для нее.
Ей – почет, а польза – тебе, и ты не в убытке:
Пусть насладится она ролью большой госпожи!

Чтоб оставаться с тобой, должна твоя женщина помнить,
Что от ее красоты стал ты совсем без ума.
Если в тирийском она – похвали тирийское платье,
В косском ли выйдет к тебе – косское тоже к лицу;
Ежели в золоте вся, то сама она золота краше,
Если закутана в шерсть – молви: «Чудесная шерсть!»
Если предстанет в рубашке одной – вскричи: «Я пылаю!»
И осторожно добавь: «А не простудишься ты?»
Если протор в волосах – не надобно лучшей прически;
Если она завита – честь и хвала завиткам.
Пляшет? Хвали ее руки. Поет? Хвали ее голос.
Кончила петь и плясать? Громко об этом жалеи.
Самое ложе любви и самые радости ночи,
Все, что любезно вдвоем, – все это можно хвалить.
Пусть она будет мрачней и жесточе Медузы Горгоны —
Слыша такие слова, станет мила и нежна.
Только следи, чтоб она твоего не открыла притворства,
И выраженьем лица не опрокинь своих слов!
Скроешь искусство свое – молодец; а выдашь – досадуи:
Веры тебе поделом с этой не будет поры.

Ни под неловкой пятой змейка, таящая яд,
Так не бывают страшны, как страшна, услышав об измене,

Женщина в гневе своем: сердцем и взглядом горя,
Рвется к огню и мечу, забывает стыдливость и чинность,
Так расторгает любовь крепчайшие скрепы и связи, —
Вот почему для мужчин эта опасна вина.
Но не подумай, что мой приговор: «Будь верен единой», —
Боже тебя сохрани! Это и в браке невмочь.
Нет; но резвясь, умеете таить свои развлечения:
Ежели грех за душой – право, молва ни к чему.
И не дари подарков таких, чтобы стали приметой,
И постоянного дня не отводи для измен,
И, чтоб тебя не сумели застичь в знакомом приюте,
Разным подругам для встреч разное место назначь.

Сколько, однако, греха ни скрывай, всего ты не скроешь;
Но и попавшись врасплох, все отрицай до конца.
Будь не более ласков и льстив, чем бываешь обычно:
Слишком униженный вид – тоже ведь признак вины.
Но не жалея своих сил в постели – вот путь к примиренью!
Что у Венеры украл, то вороти ей сполна.

Но перестань, Эрато, вникать в ведовскую ученость!
Ближе лежат рубежи бегу квадриги моей.
Я говорил тебе, как утаить от подруги измену,
Я же теперь говорю, как показать ее въявь.
Женщины есть и такие, кому наша преданность в тягость:
В них угасает любовь, если соперницы нет.
Изнемогает порою душа, пресытившись счастьем,
Ибо не так-то легко меру в довольстве хранить.
Словно огонь, в горенье своем растративший силы,
Изнемогая, лежит, скрывшись под пеплом седым,
Но поднеси ему серы – и новым он пламенем вспыхнет,
И засияет опять ярко, как прежде сиял, —
Так и душа замирает порой в нетревожимой лени:
Острым кресалом ударь, чтоб разгорелась любовь!
Пусть изведает страх, пусть теплая станет горячей.
Пусть побледнеет в лице, мнимой измены страшась!
О, четырежды счастливы, о, неисчетно блаженны
Те, чья обида могла милую деву задеть,
Чтобы она, об измене твоей услышав боязливо,
Бедная, пала без чувств, бледная, пала без слов!
Мне бы такую любовь, чтоб, ревнуя, меня не жалела,
Чтобы ногтями рвалась и к волосам, и к щекам,
Чтобы взглянула – и в плач, чтоб яростным взором сверкала,
Чтоб ни со мной не могла, ни без меня не могла!
Спросишь, а долго ли ей о тебе стенать и метаться?
Нет: подолгу томясь, слишком накопится гнев.
Ты ее пожалей, обвей ее белую шею,
Пусть она, плача, к твоей жаркой приникнет груди;
Слезы уйми поцелуем, уйми Венераиной лаской —

Так, и только так, миром закончится брань.
Вволю побуйствовать дай, дай ненависть вылить воочью
И укроти ее пыл миром на ложе утех.
Там – согласия храм, там распря слагает оружие,
Там для блага людей в мир рождена доброта.
Так, побрянись, голубок и голубка сольются устами
И заворкуют вдвоем, нежную ласку суля.

Поль Эмиль рисунок

Я же продолжу свой путь – чтобы ты, умудренный любовник,
Нашу науку познав, с верной добычей ушел.
Нам не всегда борозда возвращает посева сторицей,
И не всегда кораблям веет попутный Зефир:
Радостей мало дано, а горестей много влюбленным —
Будь же готов претерпеть все, что тебе предстоит!

Крыши не знал человек, ел под дубами и спал, —
Даже тогда сопрягались тела не под солнечным небом:
В рощах и гротах искал тайны пещерный народ.
Только теперь мы в трубы трубим про ночные победы,
Дорого платим за то, чтоб заслужить похвальбу.
Всякий и всюду готов обсудить любую красотку,
Чтобы сказать под конец: «Я ведь и с ней ночевал!»

Чтоб на любую ты мог нескромным показывать пальцем,
Слух пустить о любой, срамом любую покрыть,
Всякий выдумать рад такое, что впору отречься:
Если поверить ему – всех перепробовал он!
Если рукой не достать – достанут нечистой речью,
Если не тронули тел – рады пятнать имена.
Вот и попробуй теперь ненавистный влюбленным ревнивец,
Деву держать взаперти, на сто затворов замкнув!
Это тебя не спасет: растлевается самое имя,
И неудача сама рада удачей прослыть.
Нет, и в счастливой любви да будет язык ваш безмолвен,
Да почивает на вас тайны священный покров.

Больше всего берегись некрасивость заметить в подруге!
Если, заметив, смолчишь, – это тебе в похвалу.
Так Андромеду свою никогда ведь не звал темнокожей
Тот, у кого на стопах два трепетали крыла;
Скрасить изъян помогут слова. Каштановой станет
Та, что чернее была, чем иллирийская смоль;
Если косит, то Венерой зови; светлоглаза – Минервой;
А исхудала вконец – значит, легка и стройна;
Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной – толстушку,
И недостаток одень в смежную с ним красоту.
Сколько ей лет, при каких рождена она консулах, – это
Строгий должен считать цензор, а вовсе не ты;
И уж особенно – если она далеко не в расцвете
И вырывает порой по волоску седину.

Это ведь тоже война, надобны силы и здесь.
Женщина к поздним годам становится много искусней:
Опыт учит ее, опыт, наставник искусств.
Что отнимают года, то она возмещает стараньем;
Так она держит себя, что и не скажешь: стара.
Лишь захоти, и такие она ухищренья предложит,
Что ни в одной из картин столько тебе не найти.
Чтоб наслажденья достичь, не надобно ей подогрева:
Здесь в сладострастьи равны женский удел и мужской.
Я ненавижу, когда один лишь доволен в постели,
Я ненавижу, когда отдается мне женщина с виду,
А на уме у нее недопряженная шерсть;
Сласть не в сласть для меня, из чувства даримая долга, —
Ни от какой из девиц долга не надобно мне!
Любо мне слышать слова, звучащие радостью ласки,
Слышать, как стонет она: «Ах, подожди, подожди!»
Любо смотреть в отдающийся взор, ловить, как подруга,
Изнемогая, томясь, шепчет: «Не трогай меня!»
Этого им не дает природа в цветущие годы,
К этому нужно прийти, семь пятилетий прожив.
Пусть к молодому вину поспешает юнец торопливый —

Мне драгоценнее то, что из старинных амфор.

Но не спеши! Торопить не годится Венерину сладость:
Жди, чтоб она, не спеша, вышла на вкрадчивый зов.
Есть такие места, где приятны касания женам;
Ты, ощутив их, ласкай; стыд – не помеха в любви,
Сам поглядишь, как глаза осветятся трепетным блеском,
Словно в прозрачной воде зыблется солнечный свет,
Нежный послышится стон, сладострастный послышится ропот,
Милые жалобы жен, лепет любезных забав!
Но не спеши распускать паруса, чтоб отстала подруга,
И не отстань от нее сам, поспешая за ней:
Вместе коснитесь черты! Нет выше того наслажденья,
Что простирает без сил двух на едином одре!
Вот тебе путь, по которому плыть, если час безопасен,
Если тревожащий страх не побуждает: «Кончай!»
А пред угрозой такой – наляг, чтобы выгнулись весла,
И, отпустив удила, шпорой коня торопи.

Наука любви, 2 часть (избранные строки: женщины не знают науки любви)

В чем причина всех бед? Науки любить вы не знали!
Вы не учились, а страсть только наукой крепка.

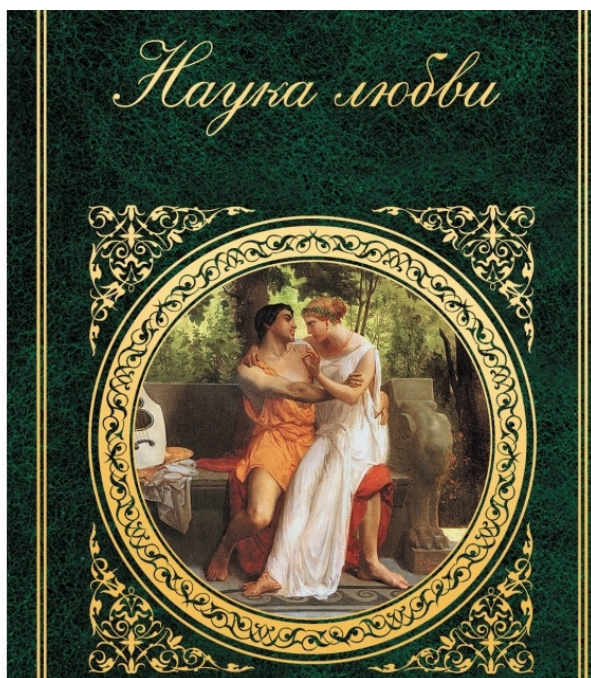

Фото фрагмента обложки книги

Быть бы в неведение вам и досель, – но вот Киферея,
Вдруг предо мною представ, мне заповедала так:
«Чем виноваты, скажи, злополучные девы и жены,
Что безоружный их сонм предан оружию мужчин?
Были наукой мужчин две тобой сочиненные книги —
Ныне наука твоя женщинам помощью будь.

Главный урок: время бежит

Дар мой – дар божества! Поспешайте же, девы, к уроку,
Ежели вам не в запрет званья, законы и стыд.
Не забывайте, что вас ожидает грядущая старость —
Дорого время любви, даром не тратьте ни дня.
Радуйтесь жизни, пока в цвету весенние годы:
Время быстрее бежит, чем торопливый поток.
Ни миновавшей волны не воротит речное течение,
Ни миновавшего дня времени бег не вернет.
Пользуйся, годы не ждут, скользя в легкокрылом полете:
Радости ранней поры поздней порой не придут.
Эти седые кусты я видел в фиалковом цвете.
С этих колючих шипов рвал я цветы для венка.
Ты, что нынче строга к влюбленным поклонникам, вспомни:

Горько старухой стыть на одиноком одре!
Не затрещит твоя дверь под напором ночного гуляки,
Не соберешь поутру россыпи роз под окном.
Ах, как легко, как легко морщины ложатся на кожу,
Как выцветает у нас нежный румянец лица!
Прядь, о которой клялась ты: «Была она с детства седою!» —
Скоро по всей голове густо пойдет сединой.
Змеи старость свою оставляют в сброшенной коже,
Вместе с рогами олень ношу снимает годов;
Только нам облегчения нет в непрерывных утратах —
Рвите же розы, пока в прах не опали они!
Да и рождая детей, становится молодость старше:
Жатву за жатвой даря, изнемогают поля.

Пуссен Царство Флоры

От вольного поведения ничего не убудет
Смертные жены, для вас пример указуют богини:
Не отвечайте же «нет» жадным желаньям мужским!
Страшно обмана? Зачем? Все ваше останется с вами:
Не убывает оно, сколько его ни бери.
Сточитя сталь сошника, обкатаются камни о камни,
Но не иссякнет одно – то, чем дается любовь.
Разве кто запретит огню от огня зажигаться
Или возьмет под замок воду в пучинах морей?
Так почему же твердит красавица другу: «Не надо»?
Надо ли воду жалеть, ежели вдоволь воды?

Я не к тому ведь зову, чтобы всем уступать без разбора,
Я лишь твержу: не скупись! Твой безубыточен дар.
В дальнем пути мой корабль ожидает неслабого ветра,
А для начала пути в пользу и легкий Зефир.

Уход за собой. Современная цивилизация

Это начало – уход за собой. На ухоженной пашне
Всюду щедрее зерно, в грозди ухоженной – хмель.
Божий дар – красота; и если прикинуть без лести,
То ведь придется признать: дар этот есть не у всех.
Нужен уход красоте, без него красота погибает,
Даже если лицом схожа с Венерой самой.
Если красавицы давних времен за собой не следили,
Были причиной тому грубые вкусы мужей.

Вкус

Так не вдевайте же в уши себе драгоценные камни,
Те, что в зеленой воде черный находит индус;
Не расшивайте одежду золотыми тяжелыми швами —
Роскошь такая мужчин не привлечет, а спугнет.
Нет, в красоте милей простота. Следи за прической —
Здесь ведь решает одно прикосновение руки! —
И не забудь, что не все и не всех одинаково красит:
Выбери то, что к лицу, в зеркало глядя, проверь.
К длинным лицам идет пробор, проложенный ровно:
У Лаодамии так волос лежал без прикрас.
Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши —
Эта прическа под стать круглому будет лицу.
Можно на оба плеча раскинуть далекие кудри,
Как их раскидывал Феб, лиру певучую взяв;
Можно связать их узлом на затылке, как дева Диана,
Что, подпоясав хитон, гонит лесное зверье;
Этой к лицу высокий начес, чем пышнее, тем лучше,
Та – волосок к волоску пряди уложит плотней;
Этой будет хорош черепаховый гребень Киллены,
Той – широкий поток вольных волнистых волос.
Но как нельзя на ветвистом дубу желудей перечислить,
Пчел на Гиблейских лугах, зверя в Альпийских горах,
Так нельзя перечесть, какие бывают прически —
С каждым новым мы днем новые видим вокруг!
А для иных хороша и небрежность; чтоб ты причесалась
Утром сегодня – но пусть кажется, будто вчера!
Так безыскусно искусство.

Женщина может украшать себя и в старости

О, как природа щедра к красоте и девичьей, и женской,
Сколько дает она средств всякий урон возместить!
Этого нам не дано, мужчинам, и жадная старость
Нам обнажает чело, словно деревья Борей.

Ну, а у женщины есть для седи́н германские травы,
Соком которых она станет темней, чем была;
Женщина может купить накладные густейшие кудри
И по доступной цене сделать чужое своим;
В этом не видят они никакого стыда.

Одежда

Нужно ли мне говорить и о платье?
И здесь бесполезно
И золотое шитье, и финикийский багрец.
Право, безумно таскать на себе все свое состоянье,
Ежели столько вокруг красок дешевле ценой!
Сколько рождает цветов весною земля молодая,
Сонную зиму прогнав, каждой лозою цветя, —
Столько и больше того есть красок на женских одеждах,
Только умей распознать, что кому больше к лицу.

Уход за телом, косметика

Я уж хотел продолжать, чтобы потом не пахли подмышки,
И чтобы грубый не рос волос на крепких ногах, —
Но ведь уроки мои не для женщин Кавказских ущелий
И не для тех, чьи поля поит мизийский Каик!
Право, тогда почему не добавить бы: чистите зубы
И умывайте лицо каждое утро водой?
Сами умеете вы румянец припудривать мелом,
Сами свою белизну красите в розовый цвет.
Ваше искусство заполнит просвет меж бровью и бровью,
И оттенит небольшой мушкой кожу щеки.
Нет ничего дурного и в том, чтоб подкрашивать веки
В нежный пепельный цвет или в киднийский шафран.
Есть у меня о таких предметах особая книга, —
Хоть небольшая, она стоила многих трудов;
Там вы найдете совет и о том, как поправить осанку —
Верьте, в науке моей не позабыто ничто.

Фотомонтаж картин

При этом нужно выглядеть естественно
Но красота милей без прикрас – поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя, как винное сусло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!
Я на глазах у мужчин не сосал бы косточки ланьей,
Я у мужчин на глазах чистить не стал бы зубов, —
То, что дает красоту, само по себе некрасиво:
То, что в работе, – претит, то, что сработано, – нет.
Это литье, на котором красуется подпись Мирона,
Прежде являло собой медный бесформенный ком;
Это кольцо, чтобы стать кольцом, побывало в расплаве;
Ткань, что надета на вас, грязною шерстью была;
Мрамора грубый кусок Венерою стал знаменитой,
Чья отжимает рука влагу из пенных волос, —
Так же и ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
Надо ли мне понимать, отчего так лицо твое бело?
Нет, запри свою дверь, труд незаконченный спрячь.
Что не готово, того не показывай взгляду мужскому —
Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать.
Весь в золотых скульптурах театр – но взглядишь, и увидишь,
Как деревянный чурбан тоненьким золотом крыт.

К ним не дают подходить, покуда они не готовы —
Так, вдалеке от мужчин, строй и свою красоту.

Уход за волосами

Волосы – дело другое. Расчесывай их беззапретно
И перед всеми раскинь их напоказ по плечам.
Только спокойною будь, сдержись, коли станешь сердиться,
Не заставляй без конца их расплетать и сплетать!
Пусть служанка твоя от тебя не боится расправы:
Щек ей ногтями не рви, рук ей иглой не коли, —
Нам неприятно смотреть, как рабыня, в слезах и в уколах,
Кудри должна завивать над ненавистным лицом.
Если же мало красы в волосах твоих – дверь на запоры,
Будь твоя тайна святей тайн Благодатных Богинь!
Помню, подруге моей обо мне доложили внезапно —
Вышла красотка, парик задом надев наперед.
Злейшим лишь нашим врагам пожелаю подобного срама,
Пусть на парфянских девиц этот позор упадет!
Стыдно быку без рогов и стыдно земле без колосьев,
Стыдно кусту без листвы, а голове без волос.

Как скрывать телесные недостатки

Вы не мои ученицы, увы, Семела и Леда,
Мнимый Сидонянку бык по морю вез не ко мне;
Не о Елене пекусь, которую так домогались
Умный супруг – воротить, умный Парис – сохранить;
Нет, меж моих учениц есть получше лицом, есть похуже, —
Тех, что похуже лицом, больше бывает всегда.
Те, что собой хороши, моей не прельстятся наукой:
Данная им красота и без науки сильна.
Ежели на море тишь – моряк беззаботно отважен,
Ежели вздулись валы – помощь нужна моряку.
Редко встречаешь лицо без изъяна. Скрывайте изъяны
В теле своем и лице, если под силу их скрыть!
Если твой рост невелик и сидящей ты кажешься, стоя,
Вправду побольше седи или побольше лежи;
А чтобы, лежа, не дать измерять себя взорам нескромным,
Ты и на ложе своем тканями ноги прикрой.
Если ты слишком худа, надевай потолще одежду
И посвободней раскинь складки, повисшие с плеч;
Если бледна, то себя украшай лоскутами багрянца,
Если смугла – для тебя рыбка на Фаросе есть.
Ножку нескладного вида обуи в башмачок белоснежный;
Голень, что слишком худа, всю ремешками обвей.
Слишком высокие плечи осаживай тонкой тесьмою;
Талию перетянув, выпуклей сделаешь грудь.
Меньше старайся движеньями рук помогать разговору,
Ежели пальцы толсты или же ноготь кривой.
Не говори натошак, если дух изо рта нехороший,

И постарайся держать дальше лицо от лица.
А у которой неровные, темные, крупные зубы,
Та на улыбку и смех вечный положит запрет.

Как улыбаться и смеяться

Трудно поверить, но так: смеяться – тоже наука,
И для красавицы в ней польза немалая есть.
Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом —
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.
А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
А у иной, на беду, смех на рыданье похож,
А у иной получается смех завыванием грубым,
Словно ослица ревет, жернов тяжелый взвалив.
Что не подвластно науке? И смех подвластен, и слезы —
Каждая знает для слез время, и меру, и вид.

Речь

Ну, а что уж о том говорить, как нарочно картавят
И по заказу язык нужный коверкает звук?
Этот невнятный лепечущий выговор – тоже ведь мода;
Нужно учиться болтать хуже, чем можешь болтать.
Все, что на пользу вам может пойти, на заметку берите:
Нужно бывает подчас даже учиться ходить.

Поступь, обнажение рук

Женская поступь – немалая доля всей прелести женской,
Женскою поступью нас можно привлечь и спугнуть.
Вот выступает одна, развеваются складки туники,
Важно заносит ступню, ловким бедром шевелит;
Вот другая бредет, как румяная умбрская баба,
И отмеряет шаги, ноги расставив дугой;
Эта – слишком груба, а эта – изнежена слишком:
Что ж, как во всем, так и здесь верная мера нужна.
Но непременно сумей обнажить свою левую руку —
Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
Это я вам говорю, у которых белая кожа:
Каждый к такому плечу рад поцелуем припасть.

Моро Гюстав Гесиод и муза

Пение, музыка и чтение вслух

В дальних когда-то морях чудовища жили сирены
И завлекали суда пением звонким своим.
Отпрыск Сизифа Улисс меж замкнувшими уши единый
Путы едва не порвал, их услышав голоса.
Славная пение вещь: учитесь пению, девы!
Голосом часто берет та, что лицом не берет.

Пробуйте голос на песнях, которые петы в театрах,
Или которые к нам с нильских пришли берегов.
Правой рукою – за плектр, а левой рукой – за кифару,
Женщина, взяться умей: вот пожеланье мое!
Скалы и диких зверей чаровала Орфеева лира,
И Ахеронтову зыбь, и трехголового пса;
Сын, отомстивший за мать, твоей оживленные песней
Камни послушные шли в кладку фиванской стены;
Рыбу немую и ту, если давнему верить рассказу,
Пеньем и лирной игрой славный пленил Арион, —
Так научись же и ты на струны игривые наблы
Быстрые руки бросать: набла – подруга забав.

Танец

Далее, как не сказать, что надо уметь от застолья
В пляске пройтись, щегольнув ловким движением рук?
Гибкий плясун на подмостках всегда привлекает вниманье —
Так хороша быстрота и поворотливость тел!

Известность поэтов

Мы, воспеватели тайн, к чему мы стремимся, поэты?
Слава, только она – наша заветная цель.
В давние дни о поэтах пеклись владыки и боги,
Песнями хоры гремя, много стяжали наград;
Было священо величье певцов, и было почтенно
Имя певцов, и к певцам грудой богатства текли.
Нынче не то: поэтический плющ нигде не в почете,
Праздностью люди зовут труд для ученых Камен.
Но и теперь забываем мы сон, труждаясь для славы!
Скрой «Илиаду» – и где вся твоя слава, Гомер?

Появление в людных местах

Вам, красавицы, вам нужны многолюдные толпы,
Нужно чаще ходить там, где теснится народ!
К целому стаду овец идет за овцою волчица,
В целой стае птиц ищет добычи орел.
Так и свою вы должны красоту показывать всюду,
Чтобы из многих один вашим поклонником стал.
Всюду старайся бывать, где есть кому приглянуться,
Не позабудь ничего, чтобы пленительной быть.
Случай – великое дело: держи наготове приманку,
И на незримый крючок клонет, где вовсе не ждешь.
Часто ловцы по лесам понапрасну с собаками рыщут —
Вдруг неожиданно сам в сети несется олень.
Разве могла Андромеда питать хоть какую надежду,
Что обольстится Персей видом заплаканных глаз?
Волосы в роспуск и слезы в глазах пленяют нередко —
Плача о муже, подчас нового мужа найдешь.

Нужно беречься обманщиков

Но избегайте мужчин, что следят за своей красотой,
Тех, у которых в кудрях лег волосок к волоску!
Что они вам говорят, то другим говорили без счета:
Вечно изменчива в них и непоседлива страсть,
Как постоянными женщинам быть, если сами мужчины
Непостояннее их, сами к любовникам льнут?
Трудно поверить, но верьте. Когда бы поверила Троя
Речи Кассандры своей – Трое стоять бы вовек.
Есть и такие, которым любовь – лишь покров для обмана,
Чтобы на этом пути прибылей стыдных искать.
Даже если у них ароматами кудри сияют,
Даже если башмак тонким глядит язычком,
Даже если на них тончайшая тога, и даже
Если на пальцах у них перстень на перстень надет, —
Все равно, меж такими, быть может, и самый учтивый —
Вор, которого жжет страсть по плащу твоему.
«Это – мое!» – лишась своего, взывают девицы;
«Это – мое!» – в ответ грянет им рыночный гул.
За обещанья мужчин обещаньями, жены, платите;
Ласкою – только за дар: вот ваш устав и закон.

Франческо Пурины маска

Не сразу нужно давать ответ

То ли притворна любовь, то ли от сердца она.

Прежде, чем дать свой ответ, помедли, однако недолго:

От промедленья любовь в любящем станет острей.

А отвечая юнцу, не спеши уступать, соглашаясь,

Но не спеши и давать сразу отказ наотрез.

Страх внуши и надежду внуши, и при каждой отсрочке

Пусть в нем надежда растет и убавляется страх.

Каждое слово твое пусть будет изящно без вычур —
Неизошренная речь большой имеет успех.
Часто бывало, робевшая страсть от письма оживала, —
Часто неловкий язык ловкой мешал красоте.

Приветливость

Если от малых забот перейти к делам поважнее,
Если продолжить наш путь, круче раздув паруса,
То постарайтесь о том, чтоб смотрели приветливей лица —
Кротость людям к лицу, гнев подобает зверям.
В гневе вспухают уста, темной кровью вздуваются жилы,
Яростней взоры блестят огненных взоров Горгон.
Вида Паллада в воде лицо свое, дувшее в дудку,
«Прочь! – воскликнула. – Прочь! Слишком цена дорога!»
Точно так же и вы глядитесь-ка в зеркало в гневе,
И убедитесь, что вам в гневе себя не узнать.
Пагубно в женском лице и надменное высокомерье —
Скромно и нежно смотри, в этом – приманка любви.
Верьте моим словам: горделивая спесь раздражает,
Вечно молчащим лицом сея к себе неприязнь.
Взглядом на взгляд отвечай, улыбайся в ответ на улыбку,
Ежели кто-то кивнет – не поленись и кивнуть.
Это разминка Амура: на этом испробовав силы,
Он наконец с тетивы острую спустит стрелу.
Нехорошо и грустить. Нас, веселых юнцов, светлые лица влекут.

Как удержать мужчину

Но как наездник коню-новичку и коню-ветерану
Разным движеньем руки будет давать повода, —
Так и тебе для зеленых юнцов и для опытных взрослых,
Чтоб удержать их любовь, разные средства нужны.
Юноша, в первый раз представший на службу Амура,
Свежей добычей попав в опочивальню твою,
Должен знать тебя лишь одну, при тебе неотлучно, —
Этим любовным плодам нужен высокий забор.
Ты победишь, если будешь одна, избежавши соперниц:
Знать не хотят дележей царская власть и любовь!
Старый боец не таков – любить он умеет разумно,
Многое может снести, что не снесет новичок;
В двери ломиться не будет, пожаром грозиться не будет.
Ногти в лицо не вонзят нежной своей госпоже,
Ни на себе, ни на ней не станет терзать он рубашку,
В кудри не вцепится ей так, чтобы слезы из глаз, —
Это мальчишкам под стать да юнцам, воспаленным любовью:
Опытный воин привык молча удары терпеть.
Медленно жжет его страсть – так горит увлажненное сено
Или в нагорном лесу только что срубленный ствол.
В этом прочнее любовь, а в том сильней и щедрее, —
Падают быстро плоды, рви их проворной рукой!

Крепость открыта врагу, ворота распахнуты настежь —
Я в вероломстве моем верен себе до конца!
Помните: все, что дается легко, то мило недолго, —
Изредка между забав нужен и ловкий отказ.
Пусть он лежит у порога, кляня жестокие двери,
Пусть расточает мольбы, пусть не жалеет угроз —
Может корабль утонуть и в порыве попутного ветра,
Многая сладость претит – горечью вкус оживи!
Вот потому-то мужьям законные жены постылы:
Слишком легко обладать теми, кто рядом всегда.
Пусть перед мужем закроется дверь, и объявит привратник:
«Нет тебе входу!» – и вновь он покорится любви.
Стало быть, прочь тупые мечи, и острыми бейтесь,
Хоть я и первый приму раны от собственных стрел!
Первое время любовник пускай наслаждается мыслью,
Что для него одного спальня открыта твоя;
Но, подождав, ты дай ему знать, что есть и соперник:
Если не сделаешь так – быстро увянет любовь.
Мчится быстрее скакун, едва отворится решетка,
Видя, скольких других нужно, догнав, обогнать.
Даже угасшая страсть оживает, почуяв обиду:
Знаю я по себе, нет без обиды любви.
Впрочем, повод для мук не должен быть слишком заметным:
Меньше узнав, человек больше питает тревог.
Можно придумать, что друг ревниво тебя опекает,
Или что сумрачный раб строго тебя сторожит;
Там, где опасности нет, всегда наслажденье ленивей:
Будь ты Лайсы вольней, а притворись, что в плену.
Дверь запири на замок, а любовник пусть лезет в окошко;
Встреть его, трепетный страх изобразив на лице;
Умной служанке вели вбежать и вскричать: «Мы погибли!»,
Чтобы любовник, дрожа, прятался где ни пришлось.
Все же совсем его не лишай безопасной отрады,
Чтоб не казалось ему: слишком цена дорога.

Как обмануть мужа

Как обмануть недоброго мужа и зоркого стража, —
Надо ли мне отвечать вам и на этот вопрос?
Пусть охраны такой боятся законные жены:
Это обычай велит, Цезарь, законы и стыд.
Ну, а тебя, что только на днях получила свободу,
Кто же запрет под замок? С богом, обману учись!
Всех без труда обойдешь хитростью, только решишь!
Как, например, он тебе помешает писать твои письма?
Так неужели теперь ревнивец удержит подругу,
Если театры кипят, если пленяют бега,
Если желает она послушать Исидины сестры
И, несмотря на запрет, ходит сюда и туда,
Если от взглядов мужчин идет она к Доброй Богине,

Чтоб от немилых уйти, а кого надо – найти,
Если, покуда приставленный раб сторожит ее платье,
В дальней купальне ее тайные радости ждут,
Если умеет она, коли надо, сказаться больною,
Чтобы на ложе своем полной хозяйкою быть,
Бдительный Аргус легко задремлет под бременем Вакха,
Даже если вино – из иберийской лозы;
Есть и особые средства к тому, чтобы вызвать дремоту
И навести на глаза оцепеняющий сон;
Да и служанка твоя отвлечет ненавистного стража,
Если поманит к себе, и поманежит, и даст.
Но для чего рассуждать о таких хитроумных уловках,
Там, где любых сторожей можно подарком купить?
Верь: и людей, и богов подкупает хороший подарок,
Даже Юпитер – и тот не отвергает даров.

Не следует доверять подругам

Помнится, я говорил, что друзьям доверяться опасно, —
Что ж, как друг твой друзей, ты опасайся подруг.
Если доверишься им – они перехватят добычу,
И не тебе, а другим выпадет радость твоя.
Та, что тебе для любви уступает и дом свой, и ложе,
Знай, не раз и не два их разделяла со мной.
Да и служанка твоя не слишком должна быть красива:
Часто рабыня со мной вместо хозяйки спала.
Ах, куда я несусь? Зачем с открытою грудью,
Сам обличая себя, мчусь я на копья врагов?

Как изобразить любовь

Сделайте так, чтобы вашей любви поверил влюбленный!
Это нетрудно ничуть: рады мы верить мечте.
Нежно взглянуть да протяжно вздохнуть, увидевши друга,
«Милый, – сказать, – почему ты все не шел и не шел?»
Брызнуть горячей слезой, притворною ревностью вспыхнуть,
Ногтем изранить лицо, – много ли надо еще?
Вот он и верит тебе, вот и сам тебя первый жалеет,
Вот он и думает: «Ах, как она рвется ко мне!»
Если притом он одет хорошо и следит за собою, —
Как не поверить, что он влюбит в себя и богинь!

Застолье

Полно, за дело! Без всяких прикрас довершу я, что начал,
К ближним ведя берегам путь утомленной ладьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.